

Обличительное слово

въ день храмоваго праздника въ мордовскомъ приходѣ.

Нынѣ я молюсь Господу нашему Іисусу Христу; молюсь Заступницѣ нашей Владычицѣ Богородицѣ; молюсь всеѣмъ свѣтымъ: объ одномъ только молюсь, чтобы никто изъ васъ во время праздника не напивался пьянымъ. Со мной молитесь и вы православные: молитесь каждый за себя и за всѣхъ, чтобы, памятуя въ нашемъ праздникѣ Покровъ Пресвятыя Богородицы, все, свѣтло празднуя, сохранили себя благовѣрными и благочестивыми людьми.

Нынѣ время трудное: переживаемъ грозное Божіе наказаніе, посланное намъ за нашу неправду, обманы, ненависть, зависть... Нужно съ истиннымъ благоговѣніемъ и сокрушеннымъ сердцемъ молиться о милосердіи Божіемъ! Настала намъ пора омыться слезами. Пришло время оставить всякое веселіе, а особенно пьянство. Народу становится тяжело: у однихъ хлѣба достанетъ лишь на мѣсяць, у другихъ—меньше и этого, а иные сейчасъ сидятъ безъ хлѣба. А что будетъ дальше, когда настанетъ зима?! Тогда скотинѣ наступитъ умора, а бѣднымъ людямъ слезы... слезы... слезы!

Надобно же намъ всеѣмъ чувствовать эту ужасную бѣду: да не погибнемъ отъ голода въ конецъ. О, Господи Боже, спаси... процитай насъ во гладѣ!

И вотъ, нынѣ, во дни печали, да сохранить насъ Господь Богъ отъ пьяныхъ гостей! Вѣдь пьяный гость—и незванный и непрошенный онъ—заходитъ въ домъ, къ кому попалъ; тамъ прямо садится за столъ; безъ церемоніи, точно голодный, ѣсть со стола всякій припасъ; ѣсть и просить для праздника, вина. Вотъ, онъ ждегъ нетерпѣливо, когда поднесутъ ему стаканъ одинъ и другой; не поднесли—онъ не хочетъ знать, что ему не рады, нѣтъ, онъ начинаетъ ругаться... и—ужасъ! какъ онъ обидно ругается! Послѣ этого гостя на столѣ оказывается пусто, такъ что и нечѣмъ утѣшить плачущихъ ребятъ.

Въ другомъ сосѣднемъ дворѣ хозяинъ еще бѣднѣе, а пьяный гость, не разбирая этого, садится опять за столъ и опять

ѣсть, и опять требуетъ вина... Тутъ не только вина, даже и соли не на что купить. Гость опять ругается... но ругается такъ несносно, что женщины и дѣвицы выходятъ изъ дома, чтобы больше не слышать этого ужаснаго ругателя.

Дальше, въ третьемъ дворѣ, тотъ же пьяный гость опять за столомъ, и опять ѣсть... Тутъ, чтобы скорѣе выпроводить его, подносятъ ему стаканъ съ виномъ. Гость радуется, и думаетъ выпить весь стаканъ сразу, но... душа его не принимаетъ. Въдъ христіанская душа много вина не можетъ принимать: ее—эту добрую душу—берегетъ ангель хранитель. Однако, діаволь внушаетъ пить до дна... И что же приключается съ гостемъ дальше? Не въ храмъ Божию говорить объ этомъ! Душа не принимаетъ, а пьяный насильно льетъ себѣ въ ротъ вино и... съ нимъ бываетъ рвота и за самымъ столомъ, гдѣ сидитъ. О, какъ это безчестно! О, какъ это безстыдно! О, какъ это обидно хозяину дома, его хозяйкѣ и прочимъ благонаравнымъ гостямъ, сидящимъ за тѣмъ же столомъ! Увы, человекъ ли ты Божій?! Въдъ въ семь домѣ, въблизи тебя, находятся святыя иконы!

И вотъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ пьянаго гостя не напоили виномъ, тамъ онъ всѣхъ перебранилъ ужасными словами, а здѣсь... здѣсь, гдѣ поднесли—ужасное онъ сдѣлалъ посрамленіе!

Но вотъ пьяный гость идетъ по улицѣ: отъ него причесутся добрые люди, чтобы не слышать его ругательныхъ словъ. Если залаетъ на него собака, онъ привяжется и къ ней. Встрѣтится ему добрый человекъ, онъ и его выбранить. Вечеромъ его раздѣваютъ и разуваютъ, чтобы на ночь уложить въ постель, онъ бранитъ и этихъ, заботящихся о его спокойствіи людей. Трезвый человекъ на ночь засыпаетъ съ молитвою, а пьяный гость засыпаетъ, но... засыпаетъ все-таки съ бранными словами. Вотъ какой несносный этотъ пьяный гость!..

Къ этому прибавлю. Всякая скотина ласкается къ своему хозяину за попеченіе его о ней: за кормъ и за призоръ ея во время холода и вьюги; за это и скотина отплачиваетъ хозяину, какъ бы воздастъ ему благодарность, напримѣръ: овца она даетъ

шерсть и мясо; корова доставляетъ молоко, масло и мясо; лошадь много помогаетъ въ работахъ. А вѣдь знаете какъ пьяный гость благодарить и чѣмъ отплачиваетъ людямъ, которые накормили и напоили его?!

Далѣе. Воръ, когда украдетъ что либо, долго мучается отъ своей совѣсти, и лишь усмирять угрызения совѣсти тѣмъ, что постоянно запивается виномъ. Но пьяный гость сокрушается ли послѣ, когда онъ такъ много обидѣлъ людей во время праздника? О, нѣтъ! Онъ думаетъ, что для праздника такъ и нужно дѣлать. Воръ въ другой разъ не заходитъ воровать туда, гдѣ укралъ однажды, потому что ему и стыдно, и боязно идти туда; лучше украдетъ въ другомъ мѣстѣ. А пьяный гость нынѣ былъ здѣсь—въ этомъ домѣ, завтра опять лѣзетъ сюда, на третій день онъ раньше всѣхъ появляется тутъ же.

Горе не малое намъ съ пьянымъ гостемъ! Горе еще большее и ему самому, такъ какъ онъ вовсе не походитъ на человѣка, совсѣмъ бываетъ хуже даже скотины.

Подлинно, такъ со всею справедливостію написано въ Божіемъ Писаніи: пьяный христіанинъ не наслѣдуетъ небеснаго царствія (1 Корин. 6, 10); все доброе и спасительное имъ потеряно: въ немъ нѣтъ ни страха Божія, нѣтъ ни совѣсти, нѣтъ и стыда

Священникъ Кириллъ Полянской.

Въ донесеніи своемъ Его Преосвященству, при коемъ представлено сіе поученіе, о. Полянской пишетъ о нехристіанскомъ провозженіи сельскими прихожанами храмовыхъ праздниковъ, и о мѣрахъ, принятыхъ имъ къ уничтоженію пьянства въ храмовые праздники—слѣдующее:

Съ сознаніемъ важности возложеннаго на меня священства смиренно открываю Святительскому взору нравы, упроченные нашими поселянами относительно храмовыхъ праздниковъ. — Сельскіе жители, какъ въ нашихъ мѣстахъ, такъ и вездѣ, въ особенности мордва, во время своихъ храмовыхъ праздниковъ, приурочен-

ныхъ при томъ къ осеннему времени, признають какимъ-то нравственнымъ долгомъ перепиваться водкой до безчувственного состоянія, съ потерей при томъ внѣшняго приличія. — „Какой можетъ быть праздникъ, если проводить его безъ угощенія?!“ — воодушевленно разсуждаютъ между собою эти, достойные глубокаго сожалѣнія, люди, именуемые православными христіанами. Каждый праздникъ въ дѣйствительности требуетъ многихъ суетливыхъ и крайне изнурительныхъ хлопотъ и расходовъ по приготовленіямъ, чтобы каждый гость, погружаясь въ довольствѣ всякихъ питательныхъ яствъ и безмѣрныхъ питій, отблагодаривъ хозяина за радушіе, возбужденъ былъ съ восторгомъ говорить: „вотъ такъ праздникъ — милостивый Никола!“ ... Всѣхъ этихъ, въ избыткѣ угощенныхъ людей — христіанъ, не нужно спрашивать какъ ихъ подчивали на праздникъ, потому что они, съ перваго праздничнаго дня, ничего не помнятъ до того времени, когда винный угаръ уступаетъ мѣсто свое трезвому человѣческому разсудку и памяти (на 5—6 день послѣ праздничнаго дня).

Для праздничнаго угощенія никто ничего не жалѣетъ: чѣмъ больше приготовлено всего, тѣмъ болѣе хозяинъ и хозяйка чувствуютъ себя въ какомъ-то пріятномъ, набожномъ настроеніи. Бѣдный домохозяинъ, выбившись изъ силъ, рѣшается закладывать вещи, нужныя въ хозяйствѣ, и даже выпрашиваетъ деньги у болѣе состоятельныхъ лицъ подъ обезпеченіе займа своимъ озимымъ посѣвомъ. Этотъ человѣкъ, несчастный въ силу своей невольной бѣдности, хотя и радуется празднику съ приготовленными припасами, но за то онъ, втихомолку, груститъ до слезъ, сожалѣя заложенные, съ потерей надеждъ на выкупъ, новыя овчины, самодѣльщенное сукно, новые сапоги, новыя шапки и т. под. И эти слезы просто иссушаютъ въ скелетъ этого жалкаго празднотлюбца, когда у него не предвидится возможности выкупить заложенную кормилицу — озимь.

Вотъ, въ данной мѣстности наступилъ первый день праздника. Жители этого прихода, въ ожиданіи гостей, пока содержать

себя въ совершенной трезвости, соблюдаясь въ радостномъ душевномъ настроеніи лишь до вечерняго времени, въ которое начинается подъѣздъ гостей изъ сосѣднихъ мѣстностей. Гости эти — родственники по плоти и по кумовству, коротко знакомые и всякій достаточный человекъ, надвѣющийся на угощенія по важности своего положенія въ извѣстномъ околоткѣ. Каждый домъ пополняется 8—10 пріѣзжими. Съ ранняго утра слѣдующаго дня въ этомъ приходѣ открывается необыкновенное народное оживленіе въ праздничныхъ нарядахъ: всѣ улицы и всѣ дома полны празднующими, которые неустанно движутся изъ мѣста въ мѣсто, съ переходомъ изъ одного дома въ другой; при каждой группѣ есть вожакъ, то есть хозяинъ съ гостями; потомъ группа, опьяненная до безсознательности, теряетъ привычный характеръ, и гости расходятся, кому и куда попало. Въ большомъ семействѣ 3 человека постоянно занимаютъ съ гостями: одинъ безъ перерыва обноситъ ряды гостей водкою, другой со скоростію носитъ изъ кладовыхъ мѣсть на столы пирующихъ всякіе съѣстные припасы и полухмѣльную брагу, вышиваемую въ этомъ домѣ, въ теченіе 3-хъ сутокъ, до 50 ведеръ; послѣдній прислужникъ частенько бѣгаетъ въ кабакъ за водкой. Къ 9-ти вечернимъ часамъ въ домѣ народная картина нѣсколько измѣняется: кто уже свалился спать на всю ночь, а другіе, хотя и полусонные, угощаются, попрежнему, за столами; сюда же лѣзутъ новые гости и садятся, на смѣну уснувшихъ, на свободныя мѣста. Отъ постоянного говора, шума, крика и пѣсенъ изба наполняется невообразимымъ стономъ. То же самое происходитъ и въ слѣдующій день; въ третій же день гости ходятъ вездѣ прощаться, и ихъ, при послѣднемъ свиданіи, угощаютъ со всею щедростію; въ ночь всѣ рѣшительно разъѣзжаются по своимъ домамъ, встрѣчаясь въ дорогѣ или съ обмороживаніемъ оконечностей, или съ переломомъ рукъ и ногъ, или съ потерей разныхъ вещей, даже и упряжной лошади.

Итоги этихъ праздничныхъ расходовъ обыкновенно выражаются такими цифрами: каждый домъ уравнительно выплачиваетъ на водку 10—11 руб., на съѣстные припасы, кушанные на

базарѣ (рыба, мисо, солодь, арбузы и т. под.) 3—4 руб.; свой хлѣбъ, мясо, масло и т. под. въ эти цифры не включаются. — Вотъ уже сороковой годъ (съ 12 октября 1852 года) я ввожу въ сознаніе своихъ прихожанъ, что истинное празднество заключается въ благоговѣйной молитвѣ и въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, а не въ пьянствѣ. Тоже самое говорятъ въ приходахъ и сосѣдніе священники, съ предупрежденіемъ, что отъѣздъ на праздникъ есть дѣль — лишь бы понынствовать до безобразнаго положенія. Наконецъ, многіе прихожане стали высказывать мнѣ, что пріѣзжіе гости — народъ безпокойный, народъ неговорчивый, народъ увлекающій въ значительныя и непосильныя расходы; — признано почти всеѣми, чтобы и самимъ не ѣздить на праздники и стороннихъ не приглашать къ себѣ. Но для осуществленія этого отраднаго и утѣшительнаго обстоятельства нужна посторонняя сила. Я, съ благословенія Архипастырскаго, взялъ починокъ на себя. Въ первыхъ числахъ прошедшаго сентября, отъ имени благочиннаго, я разослалъ всеѣмъ священникамъ своего вѣдомства и всеѣмъ сельскимъ начальствамъ тѣхъ приходовъ официальные бумаги съ текстомъ: «видимъ прихожане исполнѣ сознали, что пріѣзжающіе на праздники гости, въ теченіе 3-хъ сутокъ, лишь пьянствуютъ до безобразія и тѣмъ причиняютъ значительный убытокъ жителямъ; а себя этимъ пьянствомъ только безчестятъ и проч.» Священники прочли въ церкви, а старосты на сходкахъ, съ должнымъ праясненіемъ всего содержанія сего посланія. Противъ такого распоряженія недовольныхъ оказалось много, но все подчинились настоятельному требованію. Къ тому же, въ день храмоваго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы я сказалъ прилагаемое слово, въ изложеніи коего, не исчерпывая всехъ праздничныхъ непристойностей, я придержался пословицы: «громъ не грянетъ, — мордвинъ не перекрестится». Кромѣ того, въ теченіе 3-хъ дней я совершалъ торжественныя Богослуженія (я издавна такъ поступаю; а тоже совершаютъ и все священники по моимъ указаніямъ); въ вечернямъ, утренимъ, а въ особенности къ литургіямъ народу приходитъ много. Къ тому же дѣлоднев-

ные звоны, какъ гласъ Божій, съ силою сдерживаютъ народъ въ трезвости.

Благодареніе Господу Богу! основалось прочное начало дѣль болѣе благоправному празднованію храмоваго праздника. Пріѣзжихъ гостей почти никого не было, за исключеніемъ немногихъ пожилыхъ женщинъ, которыхъ никакъ нельзя назвать пѣяницами. (Въ прежніе годы на праздникъ пріѣзжихъ гостей бывало болѣе 1000 человекъ на 320 домовъ). Теперь прихожане мои постоянно благодарятъ меня за означенное распоряженіе. Въ другихъ приходахъ также не будетъ пріѣзда гостей. Нашъ праздникъ прошелъ при полной трезвости всего прихода.

Ваше Преосвященства низайшій послушникъ, благочинный Кузнецкаго округа села Скафтыма, *свящ. К. Полянскій.*

